

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**ЛОВУШКА
ДЛЯ
АДАМА И ЕВЫ**

РАССКАЗЫ И НОВЕЛЛЫ

Москва
Книга по Требованию
2014

ББК 84 Р7

Б 16

Баженов Г. В.

Б 16 Ловушка для Адама и Евы. Рассказы и новеллы.

М: Книга по Требованию, 2014. – 566 с.

ISBN 5-7838-0134-8

Любовь, семья, дети — вот три кита, на которых стоит проза известного русского писателя Георгия Баженова. Нежность и страсть, верность и измены, безумство ревности и страдания от неразделенной любви — именно то, о чем рассказывает писатель в своей книге.

ISBN 5-7838-0134-8

© Г. Баженов, 1997

© Оформление. Издательство

"Книга по Требованию" 2014

I

МАМА

I

Скоробогатов нажал на кнопку звонка. Звонок работал плохо (что-то там было с контактом), дребезжал неуверенно, с перебоями. Руки не доходили починить его, а еще лучше — сменить совсем. Все некогда. Или лень. Всегда по дому столько недоделок, чего-то сломанного, требующего починки, мужской руки, что иной раз плюнешь на все — гори оно синим пламенем! — ляжешь на диван, возьмешься за газету, а там смотришь — всхрапнул. Вздрогнешь со сна, стыдно как-то и беспокойно, сытость заедает, лень, а ничего не можешь поделать с собой: яд безделья, душевной протрации давно течет по жилам. Обманываешь себя, жену, да что толку — сам-то про себя давно все знаешь...

Единственное, что по-настоящему встряхивало Скоробогатова, — командировки. После каждой из них он чувствовал себя обновленным, полным энергии, давал себе слово изменить жизнь, все ложное — отринуть и забыть, жить честно, в заботах о семье, с полной погруженностью в работу, одним словом — после командировок Скоробогатов как бы заново рождался для жизни: хотелось движения, правды, каких-то перемен, ощутимых результатов в работе. Жить хотелось!

В этот раз желание изменить жизнь было настолько горячим и нетерпеливым, что Скоробогатов вернулся из командировки на два дня раньше — поскорей засучить рукава и за дело. И вот стоял перед дверью, настойчиво звонил в квартиру.

Впрочем, не настойчиво; звонок дребезжал сам по себе, как всегда с перебоями.

«Надо наконец починить этот дурацкий звонок...»

Дверь открылась; не полностью, а так — слегка приоткрылась.

— Тсс... — приложила палец к губам жена, глядя на него так, будто они расстались не десять дней назад, а всего лишь

утром. — У меня мама, — тихо, заговорщически прошептала она.

— О, черт! — вместо приветствия вырвалось у Скоробогатова. Он почувствовал, как весь его радостный, энергичный настрой рухнул, как в преисподнюю. — Ты что, не могла пригласить ее в другой раз? — зло, но тоже шепотом проговорил Скоробогатов.

— Откуда я знала, что ты вернешься сегодня? Ты же обещал послезавтра...

— Откуда... От верблюда! — Кажется, он даже ненавидел сейчас жену. А мать ее ненавидел еще больше. — В собственный дом вернуться нельзя... Дожил!

Жена смотрела на него виновато, но что можно было поделать сейчас?

«Небось, надеется — помирюсь с матерью. Черта с два!» — Скоробогатов шумно вздохнул и, ничего не сказав, обиженно сторбившись, пошел по лестнице вниз: в руке у него был крепко зажат чемодан.

Он слышал, как щелкнул за спиной замок, и почувствовал в себе новый прилив злости и раздражения.

Что-нибудь да всегда мешало начать новую жизнь!

Скоробогатов вышел из подъезда, постоял немного в раздумье около дома, посмотрел на освещенные окна своей квартиры: «Расселись там...»

Делать было нечего, поплелся в телефонную будку. Каждый раз, особенно в последнее время, он перебарывал себя, когда звонил Алисе Мартемьяновне. Он редко звал ее по имени, почти всегда, — Алиса Мартемьяновна, она платила ему тем же, называла Скоробогатов, изредка — Скоробогатик. Да что Алиса Мартемьяновна, все женщины, включая жену, любили называть его по фамилии. Было в его тяжелой фигуре, несмотря на относительную молодость — тридцать три года — что-то такое, что заставляло их обращаться к нему подчеркнуто вежливо и официально. Жена, правда, называла его так не без некоторой насмешки...

— Алиса Мартемьяновна? Здравствуй! Приехал, да... На вокзале стою... В гости? Даже не знаю... Впрочем... Чего-нибудь захватить? Ладно, понял.

Через полчаса Скоробогатов сидел у Алисы Мартемьяновны за столом, а через час лежал в постели. Алиса Мартемьяновна была на двенадцать лет старше Скоробогатова, роман их тянулся три года, последнее время Скоробогатов изрядно тяготился им, нервничал, чувствовал, что в нем иссякает последний род-

ник, заставляющий иногда вздрагивать, метаться: все бросить, изменить, начать новую жизнь, отделаться от Мартемьяновны любыми путями...

Но каждый раз что-нибудь да мешало начать новую жизнь.

— Ты меня разлюбил? — Тяжелая грудь Мартемьяновны, тяжелая рука, тяжелый взгляд, — все взывало к ответу, а Скоробогатов молчал.

— Скоробогатик, я тебе надоела? — И опять этот тяжелый взгляд, а в глазах — искренняя боль, растерянность.

— Любишь же ты говорить о любви в самый неподходящий момент!

— Как это? — недоуменно спросила Алиса Мартемьяновна и чуть приподнялась на локте: — Когда же еще о любви говорить?

— Не видишь — тошно мне?

— А что такое? Почему? Что стряслось-то?

— Что, что... Сам себе надоел! Вот что!

Мартемьяновна облегченно вздохнула.

— Ах, глупый, — сказала она, — глупый ты мой, глупый... — И погладила его ласково по голове.

— Чего тут такого глупого?

— Да ты сам подумай. Умный мужчина — он всегда мучается. Он всегда недоволен собой, страдает. А это только украшает мужчину...

— Да, украсили меня мои страдания! — А про себя подумал: «Нет, в ней догадливость какая-то есть, прозорливость. И ведь добрая, главное. Не обижается никогда. Добрая...»

— Глупый на твоём месте сейчас бы радовался, пыжился: вот я какой, у меня то хорошо, это, я научный работник, у меня молодая жена, квартира, любовница, умею жить... А ты страдаешь. Ты честный в душе, Скоробогатик. Я тебя за это и люблю — что ты чистый внутри. Ты самый лучший у меня, Скоробогатик...

Он почувствовал к ней ток нежности и признательности, обнял ее, легонько притянул к себе, она ответила ему тоже нежностью, и тронулось, и потекло все сначала...

Позже Мартемьяновна то ли забылась, то ли заснула, лежала тихо, удовлетворенно и счастливо дыша, а у Скоробогатова сосало под ложечкой. Тошно ему было, ох тошно... И самое главное — ничего он не понимал и не мог понять в этой жизни, ни в себе, ни в других — ничего, ну совершенно ничего не понимал, так чтобы ясно, достойно, с выводами. Это его мучило больше всего...

Он бы и сам не мог ответить, например, как у него завязалось все с Мартемьяновной. Чепуха какая-то была, ерунда, а в результате... Три года протирает лысину на подушках доброй и сытой Мартемьяновны. И сам он такой же сытый, холеный. А ведь никогда в жизни не любил он женщин старше себя, просто не переваривал их; уж когда занимался этим, то на уме были только девочки, молодые, стройные, и чтоб обязательно в джинсах, в курточках там разных, беспечные, безголовые, но такие, Господи... Такие девочки, чтоб действительно забыться, радость получить, удовлетворение только оттого, что они рядом, похохатывают над тобой, посмеиваются, подтрунивают, но в конце-то концов деваться им некуда, он платит за все — за еду, за вино, за веселье, за роскошь чувствовать себя свободной, красивой, независимой... Он платит — они расплачиваются, и хоть мучают потом угрызения совести (ну, не всегда, не всегда), зато думаешь: эх, хоть не напрасно жизнь идет, красиво было! молодость резвилась и нежилась рядом с тобой! и ты с ней тоже нежился и резвился!

Ах, черт возьми! Девочки — это все же совсем другое, чем вот эта добрая и приветливая Алиса Мартемьяновна...

Но как же все-таки получилось? Как повернулось-то? Как это его, молодого, поймала на крючок именно Мартемьяновна? На двенадцать лет старше его?!

— Черт его знает, прямо наваждение какое-то, — вырвалось у него вслух.

— Что ты? О чем? — сквозь дремоту пробормотала Алиса Мартемьяновна. Пробормотала, обняла его покрепче: милый ты мой, залетный...

— Спи, спи... — сквозь зубы (как бы ласково, что ли) процедил он. А про себя подумал: «И не спрячешься от нее. Все слышит...»

Был у них тогда обычный загул, завелись с Сергеем Петрухиным. О, Сергей Сергеич, тот ловелас большой, специалист тончайший по современным девочкам! Кажется, отмечали тогда премию — кафе, музыка, длинные сигареты в тонких девичьих пальцах, колечки летящего дыма, то пристальные, то насмешливые, то приценивающиеся взгляды. Серега знал, что делал, он ни к кому не приставал, ни с кем не заигрывал, он разговаривал только с ним, со Скоробогатовым, говорил, что такое жизнь, говорил всерьез: жизнь — это все вместе, низость и доброта, подлость и честность, и ты такой, и я, и вот она, и вон та тоже, все мы — такие... Они только разговаривали, не танцевали, не озирались по сторонам — взрослым мужчинам

до лампочки все эти разноперые мальчики и девочки, особенно, конечно, мальчики, девочки могут и обратиться к ним, пожалуйста, не жалко, вам сигаретку? — пожалуйста! — огонька? — с превеликим удовольствием! — занято ли у нас? — нет, свободно, садитесь, располагайтесь... Они разговаривают, а девочки уже клюнули, сидят рядом, им это в диковинку, что на них совершенно не обращают внимания — простите, который час? — двадцать два ноль-ноль! — отвечает Сергеич вежливо, оторвавшись от разговора всего лишь на секунду... Потом все, конечно, становится на свои места, они вдвоем, а девочек вокруг много, шутки, прибаутки, ты присматриваешься, к тебе присматриваются; оказывается, девочки — практикантки, будущие филологини или что-то в этом роде; о, литература, великая русская литература, великая мировая литература, тут Сергеичу дай только место на трибуне, о литературе он говорить мастак, а будешь вспоминать потом, о чем шел разговор, — ни за что не вспомнишь: дымная благодать слога, красивая заумь речений, несусветный трёп! Кончилось все тем, что оказались они в какой-то квартире, танцевали, веселились, целовались на брудершафт, дальнейшее провалилось для Скоробогатова во мрак...

Очнулся он за полночь; чужая комната; горит бра; в углу, за столиком, сидит женщина; извечная женская поза: склонившись над столом, что-то штопает. Скоробогатов ничего не понимал. Таращил со сна глаза. Где он? Кто эта женщина? Он пошевелился на диване. Женщина подняла к нему глаза. Улыбнулась; самое первое и самое главное — она улыбнулась ему:

— Проснулись?

— Да... — Голос у Скоробогатова звучал хрипловато. — Простите... — Он попытался подняться с дивана.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, лежите... Марина мне все объяснила.

— Марина?

— Моя дочь, — снова улыбнулась женщина.

«А, Марина...» — с трудом вспомнил Скоробогатов. Кажется, это девочка, которая понравилась ему... Неужто это ее мать? Ну и влип, идиот...

— А где же Николай? — спросила женщина.

— Николай?

— Ну да, это муж Марины. Вы его не знаете?

— Знаю, знаю, как же... — забормотал Скоробогатов, как бы опомнившись. «Черт, она еще и замужем... Ну дела!»

— Да не стоит притворяться! — Женщина весело рассмеялась. — Вы ведь впервые Марину видели? И всю ее компанию?

— Нет, почему же... — снова забормотал Скоробогатов.

— Да вы не стесняйтесь. Молодежь нынче такая — ей все равно, с кем веселиться. Сегодня они раскрутили вас. Завтра другого. А там еще кого-нибудь. Я уж привыкла.

«Да-а...» — думал он.

— Пока я на работе, Марина часто компании приводит. Я разрешаю. А что, лучше по улицам слоняться или в парках прятаться?

Скоробогатов не ответил. Он удивлялся. Он понять хотел. А ничего пока не понимал.

— Живет-то она с родителями Николая. У них трехкомнатная. Ну, а если веселиться хотят — тогда у меня. Пока я на работе.

«Понятно...»

— Вас как зовут-то? — в который раз улыбнулась женщина.

— Валерий. Валерий Иванович Скоробогатов.

— Скоро богатым будете, — пошутила она. — А меня — Алиса Мартемьяновна.

«Да-а...»

— Живу вот одна. В однокомнатной квартире. Ничего, не жалуюсь... Дочь замуж выдала...

— Ох, — встрепенулся Скоробогатов, — поздно уже. Домой надо... — И начал было всерьез подниматься с дивана.

— Да куда вы, лежите спокойно... Три часа ночи.

— Как три?

— Да так, — улыбалась Алиса Мартемьяновна, — очень просто. Давно ночь на дворе.

Через три дня Скоробогатов позвонил ей. Сам не знал, почему позвонил. Все это время Серега, Сергей Сергеевич Петрухин, подсмеивался над ним, подтрунивал, все спрашивал, есть ли разница между сорокалетней и двадцатилетней. Скоробогатов всерьез обижался, даже злился, ведь Петрухин бросил его тогда, увез девочек к себе на квартиру, а Скоробогатова всей компанией весело и безмятежно оставили у Алисы Мартемьяновны, будто так и надо было. И он остался... И вот до сих пор это тянется...

Скоробогатов осторожно высвободился из объятий Алисы Мартемьяновны.

— Куда ты? — все-таки и тут успела пробормотать она сквозь сон.

— Да так, надо. Ну что ты в самом деле...

Он накинул халат (подарок Алисы Мартемьяновны), которым пользовался лишь когда бывал у нее в гостях, сходил в